

такому смешению. Он знал, что восстановить подлинный аристотелизм — значит исключить из философии то, что в ней лучше всего согласуется с религией. Читавшие Аверроэса христиане не ошиблись относительно этого аспекта его мысли. Те, кто не любил его философию, не отказывались, однако, от ссылок на Аверроэса, выступая против христиан, которые им вдохновлялись, чтобы указать им на опасность для веры, исходящую от этой философии. Сам Аверроэс основывался на убеждении, что философия Аристотеля истинна. Формулировки, которыми он выражал свое восхищение Стагиритом, хорошо известны, и их действительно нужно знать, ибо культ Аристотеля является отличительным признаком аверро-истской школы, но, правда, не на всем протяжении средневековья, как иногда думают: «*Aristotelis doctrina est summa veritas, quoniam ejus intellectus fuit finis humani intellectus. Quare bene dicitur, quod fuit creatus et datus nobis divina providentia, ut sciremus quidquid potest sciri*»*. Это — сильные выражения. Вероятно, нужно всегда помнить хороший совет, который дал по этому поводу один сирийский историк философии: не принимать за чистую монету преувеличенную восточную похвалу. Но латиняне, которые тоже будут возносить такую похвалу, не имеют извинений. В то же время верно и то, что даже у Аверроэса сохранились элементы неоплатонизма и что — сознательно или нет — Комментатор оставил более оригинальное наследие, чем говорил об этом сам.

В области логики Аверроэс сыграл лишь роль верного и проницательного интерпретатора подлинного аристотелизма — впрочем, роль весьма важную. В сфере антропо-

логии и метафизики он дал жизнь аристотелизму нового типа, который на протяжении XIII и XIV веков находился в оппозиции к аристотелизму Авиценны. Согласно Аверроэсу, метафизика — это наука о бытии как о бытии и о свойствах, которыми оно обладает как таковое. Под термином «бытие» следует понимать ту же самую субстанцию, которая есть. Всякая субстанция есть некое бытие; всякое бытие есть либо субстанция, либо акциденция, которая участвует в бытии субстанции. Следовательно, невозможно ставить отдельно проблему существования, а тем более воображать вслед за Авиценной, что оно есть «акциденция» сущности. То, что реально, есть по праву в полном смысле слова. Субстанция — это сама индивидуальная вещь. Вот первое значение термина «субстанция». Но она есть также «чтойность» («quidditas»), или реальная сущность, которая определяет для каждой субстанции бытие тем, что она есть. Связанное таким образом с конкретной реальностью, бытие всякой вещи присуще именно ей; следовательно, нельзя однозначно (в смысле тождества) предсцировать бытие всего, что есть. И все же то, что есть, — это некий определенный род бытия: субстанция, акциденция, количество, качество — короче, каждая категория бытия имеет с другими одно общее свойство: она обозначает нечто, что есть. Значит, нельзя предсцировать бытие неоднозначно (в смысле полного различия)**; поэтому говорят, что бытие «аналогично». Под этим мы понимаем, что, каковы бы категории ни были и каков бы ни был способ их бытия, все они имеют «отношение» к бытию. Целью метафизики является изучение всего того, что есть, поскольку оно есть. Метод этого изучения — логический, применяемый в данном случае не как простое множество правил корректного мышления, но как средство исследования реальной природы бытия и его свойств.

Для того чтобы применить нашу логику к реальному, необходимо, чтобы чувственно воспринимаемые вещи были одновремен-